

ISSN 2542-2332

2018 №2 (15)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г. Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О. Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н. И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (PH.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (PH.D) (Болгария, София)

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2018

ISSN 2542-2332

2018 №2 (15)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was Founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

A. P. Zabiyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

L. S. Marsadolov, doctor of culturology (Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

G. G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

D. S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

O. Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЕВРАЗИИ

- Дашковский П. К.* Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени из могильника Чинета-II (Алтай) 9
- Сакович Е. Г.* Тибетские источники о Чингис-хане 23

Раздел II

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

- Серегин Н. Н.* Погребальный обряд раннесредневековых тюрок Центральной Азии: формирование и эволюция.....34

Раздел III

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

- Должиков В. А. Н. М. Ядринцев* об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением 52

Раздел IV

ПРОЗЕЛИТАРНЫЕ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Гостюшева Е. М.* Конфессиональный состав Кабинета Его Императорского Величества Алтайского округа в первое десятилетие XX в. 65
- Кацаева М. В.* Пятидесятничество в XXI в.: парадигмы модернизации 73
- Мунхбат Д.* Паломничество монголов: традиции и современность 79

Раздел V

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Эшматова Г. Б.* Репрессии против служителей культа на Алтае в первые годы советской власти.....85
- Мусаев В. И.* Поворот в советской национальной политике в середине — второй половине 1930-х гг. 96
- Ильин В. Н.* Старообрядческие браки в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи на территории Томской губернии в XIX в. 112

Раздел VI

**РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕГИОНАХ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by mongolia population (a sociological study).....119

Раздел VII

ПЕРСОНАЛИИ

Щеглов С. Г. В. А. Должиков: ученый и педагог 133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 140

ДЛЯ АВТОРОВ 142

CONTENT

Section I

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN ANCIENT AND MEDIEVAL IN EURASIA

- Dashkovskiy P. K.* Radiocarbon and archaeological dating of the burial of the scythian period from burial Chineta-II (Altay).....9
- Sakovich E. G.* The tibetan sources about Chingis-khan 23

Section II

RELIGIOUS FACTOR IN THE HISTORY OF ANCIENT AND MEDIUM PEOPLES OF EURASIA

- Seregin N. N.* Funeral rite of early-medieval turks in Central Asia: formation and evolution.....34

Section III

ETHNIC PROCESSES AND TRADITIONAL CULTURE OF PEOPLES OF EURASIA

- Dolzhikov V. A. N. M. Yadrntsev* on the ethno-cultural interaction of peasants old believers of the russian altai with the aborigene population 52

Section IV

PRECARIOUS RELIGIONS AND TRADITIONAL RELIGION OF PEOPLES OF RUSSIA AND CENTRAL ASIA

- Gostyusheva E. M.* Religious composition of the cabinet of of His Imperial Majesty the aAltai region in the first decade of the twentieth century 65
- Kashchaeva M. V.* *Pentecostalism the XXI century: modernization paradigms*..... 73
- Munkhbat D.* Pilgrimage for mongols: traditions and the present.....79

Section V

STATE-CONFESSIONAL AND NATIONAL POLICY: HISTORY AND PRESENT TIME

- Eshmatova G. B.* Repressions against the clergy in the altai region in the first years of soviet power.....85
- Musaev V. I.* The turn of the soviet national policy in the middle — second half of the 1930s. 96
- Ilyin V. N.* Old believer marriages in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the territory of Tomsk province in the nineteenth century 112

Section VI

RESULTS OF MONITORING OF INTER-ETHNIC AND INTER-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE REGIONS OF RUSSIA AND ABROAD

- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N.* Perception of ethnic and religious processes by mongolia population (a sociological study).....119

Section VII

PERSONALITIES

Shcheglov S. G. V. A. Dolzhikov: scientist and teacher.....133

INFORMATION ABOUT CONFERENCES 140

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 142

Treister M. Iu. Akhemenidskie iuvelirnye ukrasheniia kostiuma iz dragotsennykh metallov iz Iuzhnogo Priural'ia. Izdeliia akhemenidskogo kruga i mestnye traditsii. Proizvedeniia postakhemenidskoi traditsii [Achaemenid costume jewelry made of precious metals from the southern Urals. Products of the Achaemenid circle and local traditions. Works of post-Achaemenid tradition]. *Vliianie akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influence of Achaemenid culture in the southern Urals (V–III centuries BC)]. M., 2012. T.I. S. 134–165.

Shul'ga P. I. Datirovka kurganov Pazyryka i kitaiskikh zerkal s T-obraznymi znakami [The Dating of the mounds of Pazyryk and Chinese mirror with T-shaped signs // Archeology of West Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaia: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archeology of West Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research]. Barnaul, 2015. S. 366–371.

Chu Tsин' — Khan' tsitsi ishu (楚秦漆器) / 振裕主. 武: 湖北美 出版社. 1996. (Lakovye khudozhestvennye izdeliia kniazhestva Chu / pod red. Chen' Chzhen'iu. Ukhan': Izd-vo Khubei meishu. 1996–318 s. [Lacquer art products of the Principality of Chu, ed. by Chen Janu. Wuhan: Hubei meishu Publishing house. 1996. 318 s.]).

УДК 94 (517) «11/12» (092):930.2 (=58)

Е. Г. Сакович

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

ТИБЕТСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ЧИНГИС-ХАНЕ

Статья посвящена рассмотрению тибетских источников, авторы которых описали детство, юность и политическую деятельность Чингис-хана. Выявлены особенности монгольского летописания XVII в., основанного на буддийско-ламаистском базисе повествования, идея которого заключалась в поиске преемственности монгольских ханов, родословная которых вела начало от индийских и тибетских царей; показаны историко-политические факторы, оказавшие влияние на создание монгольских летописей XVII в. Показана роль тибетского языка в формировании монгольских ученых и его значимость для монгольских летописей XVII в.; уделено внимание рассмотрению достаточно продолжительного процесса завоевания монголами Тибета и последующего его включения в состав Монгольской империи.

Проанализированы взгляды тибетских летописцев на юные годы Чингис-хана: выявлены факторы, которые, по мнению авторов, в большей степени повлияли на формирование его как великого хана; показана деятельность Чингис-хана по объединению племен и формированию Монгольской империи; проанализированы некоторые завоевательные походы Чингис-хана: вторжение монголов в тангутское государство, в государство Цзинь и частично Туркестан.

Ключевые слова: монголы, летопись, территория, источник, завоевательные походы, Чингис-хан, Тибет, Монгольская империя, племена.

E. G. Sakovich

Belarusian State University, Minsk (Belarus)

THE TIBETAN SOURCES ABOUT CHINGIS-KHAN

The article is devoted to the problem of consideration of the Tibetan sources which authors have described Chingis-khan's childhood, youth and political activity. In the article features of the Mongolian annals of the 17th century based on Buddhism and Lamaism basis of the narration which idea consisted in the search of continuity of the Mongolian khans whose family tree started from the Indian and the Tibetan tsars are revealed; historical and political factors which have exerted impact on creation of the Mongolian chronicles of the 17th century are shown. The role of Tibetan language in formation of the Mongolian scientists and the importance of Tibetan language for the Mongolian chronicles of the 17th century is shown in the article; the attention is paid to consideration of rather long process of conquest by Mongols of Tibet and the subsequent Tibet inclusion in the structure of Mongolian Empire.

In the article views of the Tibetan chroniclers for young years of Chingis-khan are studied: factors which, according to authors, have more influenced on his formation as the great khan are revealed; activities of Chingis-khan for association of tribes and formation of Mongolian Empire are shown; and, at last, some aggressive campaigns of Chingis-khan are investigated, namely: the invasion of Mongols to Tangut State, to Jin State and partially to Turkestan.

Key words: Mongols, chronicle, territory, source, aggressive campaigns, Chingis-khan, Tibet, Mongolian Empire, tribes.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-02

Монголо-тибетские отношения имели давние традиции, берущие начало еще задолго до формирования Монгольской империи. Монголы вели тесные культурные и экономические связи с племенами тибетского языкового корня, которые еще в древности занимали обширные пространства в южной части гобийского пояса полупустынь [Рерих, 1999: 140].

Исследователь-монголовед Ю. Рерих писал, что в целях полного понимания монголо-тибетских отношений в древности «следует отрешиться от некоторых представлений о примитивности монгольского племенного уклада конца XII в. ... На территории Монголии существовали крупные государственные образования феодального типа, которые явились как бы предвестниками событий XIII в. Политические и экономические отношения с соседними тибетскими племенами особенно поддерживались кереитами — мощным монгольским племенем, кочевавшим между... реками Тулой и Хангаем. ... Через тангутское царство Тибет был осведомлен о событиях в Монгольской степи. Повторные рейды монгольской конницы в тангутские земли в начале XIII в. вызвали беспокойство в Тибете и породили попытки завязать дружеские отношения с новым государством на севере» [Рерих, 1999: 141].

Уже после окончательного разгрома тангутского царства в 1227 г. монголы заняли обширные пространства тибетских земель и вплотную столкнулись с тангутскими племенами, а также с уйгурами, принявшим тибетскую форму буддизма. Именно через по-

следних тибетская культура проникла в Монгольскую империю [Рерих, 1999: 142]. Уйгуры, являвшиеся в свое время одним из культурных народов Центральной Азии, оказали на монголов значительное влияние, передали им свою письменность, были первыми их учителями. Чингис-хан поручил даже обучение своих детей и детей знати учителям из уйгуров [Бира, 1978: 31].

Тибетские пограничные земли составляли феодальный удел царевича Годана, сына хана Угедея и младшего брата Гуюка. Монгольские гарнизоны были расположены вдоль всей пограничной полосы. Тем не менее монголы воздержались от военных действий в труднопроходимых горных областях и ограничились лишь набегами конницы на кочевья на северо-востоке Тибета. В академических кругах советских исследователей относительно проблемы только частичного завоевания монголами Тибета были выявлены следующие основные причины. Во-первых, как подчеркивали ученые, Тибет лежал в стороне от главных направлений монгольской экспансии (Китай), а также западного направления (Хорезм). Что же касается южного направления (Си-Ся), то и тут Тибет находился на его периферии. Такое геополитическое положение обеспечивало стране относительную безопасность. Более того, определенную роль могли сыграть в том числе и природные условия: высокие, труднопроходимые горы были значительно более удобны для защиты, чем для нападения.

Во-вторых, исследователи отмечали, что совокупность данных, взятых из различных источников, о намерениях Чингис-хана, позволяет заключить, что Тибет не входил в сферу его непосредственных интересов, поэтому он не замыслил походов туда. Ученые высказали предположение, что вероятными причинами этого явились недостаточность сведений о Тибете, имевшихся в распоряжении Чингис-хана, концентрация его внимания на более богатых и более доступных странах, часть которых к тому же находилась значительно ближе к Монголии и даже по соседству с ней [Кучера, 1977: 265]. Окончательное включение Тибета в Монгольскую империю состоялось в 1250-х гг. во время правления Мэнгу-хана. Этот акт являлся частью плана покорения Южного Китая. Готовясь к решающей схватке с Южносунским государством, монголы задумали полностью блокировать его с суши. В связи с этим в 1253–1258 гг. их конница под командованием Хубилая и Урянхатая провела ряд операций против сопредельных с Китаем государств и народов. Именно тогда и была решена участь Тибета [Кучера, 1977: 270–271].

Изменения политики Монгольской империи в отношении Тибета начались при Хубилае, который поощрял распространение буддизма в Тибете. В 1264 г. было создано специальное учреждение, которое ведало «и управляло буддийской религией, монахами и даже территорией Тибета». Эти меры были проявлением сознательной политики Хубилая, рассчитанной на использование религиозных воззрений для подчинения тибетцев [Кучера, 1977: 271]. Еще в 1258 г. Хубилаем был созван духовный собор, на котором выступили представители буддистов, возглавляемые Пакпа-ламой, и даосистов. Результатом этого собора явилось осуждение даосистов, которым было предписано вернуть буддистам захваченные монастыри и храмы. Хубилай назначил Пакпа-ламу государственным наставником — го-ши. В 1264–1265 гг. Пакпа-лама вернулся в Тибет, однако уже в 1268 г. он вновь был приглашен к ханскому двору, где остался на семь лет. К этому времени относится создание им монгольского государственно-го письма, так называемого квадратного, на основе тибетского [Рерих, 1999: 143–146].

Значимость тибетского языка в истории культуры Монголии оценивалась весьма высоко. Некоторые ученые-монголоеды, например Ш. Бира, распространение тибет-

ского языка в Монголии сравнивали с ролью латыни в Европе. Исследователь указывал, что тибетский язык в Монголии даже выступал как соперник собственно монгольского языка: именно на нем писали многие монгольские авторы, подчеркивая свою ученость и эрудицию [Суходолов, Кузьмин, Василенко, 2017].

Настоящая статья посвящена рассмотрению двух важных тибетских источников, охватывающих историю жизни Чингис-хана — «Алтан Тобчи» («Золотое сказание») и «Ганга-йин урусхал» (История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием «Течение Ганга»). Касаясь проблематики, связанной с особенностями монгольского летописания периода XVII–XIX вв., Н. П. Шастина отмечала, что в монгольских летописях указанного периода непосредственно биография Чингис-хана, особенно описание событий его детства и юности, а также его борьба с владьками монгольских племен, и, наконец, его политическая деятельность как объединителя монголов, занимает много места. В то время как рассказ о завоевательных походах всегда чрезвычайно краток. В большинстве случаев летописцы упоминают только названия завоеванных стран. Вероятная причина этого, по мнению исследователя, заключается в том, что сведения о военных походах для летописцев XVII в. уже были утеряны, да и памяти народной их не сохранилось, потому как монголы, участвовавшие в походах, вынуждены были расселиться по чужим завоеванным странам, а вернувшиеся из походов были вовлечены в новые войны. Политическая же деятельность Чингис-хана как создателя государства для монголов была, с точки зрения летописцев, привлекательной и заслуживающей особого внимания [Данзан, 1973: 37].

Можно согласиться с мнением специалиста в области изучения монгольского летописания Н. Д. Цендина, которая утверждала, что «приверженность монгольских авторов к написанию родовых историй некоторым образом объясняет их странное, на первый взгляд, равнодушие к завоевательным походам своих предков после Чингис-хана... Походы на запад практически не описаны ни в одной монгольской летописи. По-видимому, такую историю должны были создавать представители тех родов, которые осели в Иране, Афганистане, Средней Азии, и ханы которых там стали править. Но, как известно, они очень скоро перестали писать по-монгольски. Таким образом, монгольские летописи XVII–XIX вв. сохраняют черты родовой истории на всем протяжении своего существования... И объедини монголов в свое время не Чингис-хан... летописцы писали бы свою историю, основываясь на других родословных» [Цендина, 2007: 25–26].

Исследователь-монголовед Л. С. Пучковский подчеркивал, что общей чертой монгольских летописей, созданных в XVII в., являлось то, что их авторами в самом начале повествования, как правило, помещалась истории царей Индии и Тибета. Далее летописцы стремились показать, что преемниками индийских царей являлись тибетские цари, затем юаньские императоры, наконец, монгольские ханы [Пучковский, 1953: 152]. На составление летописей именно по такому образцу, как писал ученый, оказало влияние буддийское духовенство. Еще в конце XVI в. усилился процесс проникновения буддизма к монголам, повсеместному распространению которого, в свою очередь, способствовали монгольские ханы. Пользуясь поддержкой со стороны светской власти, буддийская церковь содействовала укреплению авторитета монгольских ханов, предоставив им возможность использовать культ так называемых «перерожденцев» для доказательства «преемственности» их происхождения от древних царей Индии и Тибета [Пучковский, 1953: 159–160]. Тем не менее стоит отметить, что летописцы, заимствуя данные из генеалогии индийских и тибетских царей, подвергали их весьма серьезной

обработке, стремясь при этом значительно упростить текст повествования для более легкого его восприятия [Базарова, 2006: 283].

Автором «Алтан тобчи» являлся ученый лама китайского происхождения Лубсан Данзан, написавший его между 1651 и 1675 г. [Данзан, 1973: 27]. Именно эта летопись по сравнению с другими интересна тем, что, во-первых, составлена в эпоху монгольского ренессанса, в основе которого лежали активизация борьбы за объединение монгольских земель и распространение буддизма-ламаизма, и, во-вторых, тем, что содержит в себе монгольский текст «Сокровенного сказания» и целый ряд других рассказов, датированных еще первой половиной XIII в. [Жамцарано, 1986: 80; Бира, 1978: 165]. Советскими монголооведами было проведено исследование на предмет тождественности текстов «Алтан тобчи» и «Сокровенного сказания». Итогом работы стало утверждение, что, безусловно, «Алтан тобчи» содержит пересказ значительной части «Сокровенного сказания», непосредственно сами летописные памятники представляют собой совершенно несвязанные произведения [Даназан, 1973: 21]. В «Алтан тобчи» так же, как и в других монгольских летописях, прозаический рассказ часто прерывается стихотворной речью. Благодаря использованию древних преданий в «Алтан тобчи» наблюдается значительно большее по сравнению с другими летописями количество разнообразных поэтических фрагментов [Даназан, 1973: 30].

О рождении Темучжина, будущего Чингис-хана, в «Алтан тобчи» содержится весьма интересное предание, которое гласило, что, когда родился Темучжин, то в правой руке он сжимал сгусток черной запекшейся крови. А когда праздновали его рождение, то привели пленного татарина Темучжина-Уге, то и, согласно обычаю, так и нарекли его. Но, как утверждает автор летописи, назвали его именно так и по той причине, что качали в железной колыбели [Данзан, 1973: 66].

Мальчик, родившийся со сгустком крови в руке, — это весьма популярный фольклорный сюжет, широко известный в Индии и Иране. Е. И. Кычанов, исследовавший биографию Чингис-хана, писал, что именно такое рождение предвещало появление безжалостного завоевателя. Раз мальчик родился, зажав в руке сгусток крови, его отец Есугей-багатур решил, что это знак его высокого предназначения как воина, его будущая судьба — судьба завоевателя [Кычанов, 1995: 23]. Что касается сюжета о проблеме наречения мальчика Темучжином, то сведения «Алтан тобчи», вероятно, основываются на летописных данных «Сокровенного сказания». Поскольку рождение мальчика совпало с приводом татарского Темучжин-Уге, его, вероятно, именно так его и нарекли [Кычанов, 1995: 23]. Одни исследователи полагают, что имя «Темучжин» в переводе с древнемонгольского означает «кузнец». Другие обратили внимание на то, что имя будущего Чингис-хана, согласно монгольской литературной традиции, происходит от слова «темур» («железо»), что и отражено и «Алтан тобчи» при упоминании железной колыбели [Данзан, 1973: 314].

В «Алтан тобчи» можно прочесть некоторые сведения о месте рождения Темучжина. Согласно летописному сообщению, родился он «посередине островка на море» [Данзан, 1973: 66]. Местность, где родился Темучжин, строго не локализуется. Одни исследователи, например Н. П. Шастина, утверждали, что выражение «морской островок» часто встречается в фольклорных произведениях, а в данном случае указывает на легендарность всего рассказа [Данзан, 1973: 314]. Другие ученые (Е. И. Кычанов) полагали, что место рождения будущего хана — это Делюн-булдак на правом берегу реки Онон [Кычанов, 1995а: 23]. Третьи исследователи (П. Пельо, Л. Гамбис) сходились во мне-

нии, что это холм, который находился на берегу Онона по соседству с местностью Ехемарал — «Большой остров» [Кычанов, 1995: 24].

Проблемным представляется также вопрос, касающийся выяснения точной даты рождения Чингис-хана. В «Алтан тобчи» по этому поводу содержится весьма интересное замечание. Так, Лубсан Данзан писал, что «прошло с лишком три тысячи двести пятьдесят лет после того, как Будда погрузился в нирвану, прежде чем родился во вселенной Джамбутиба обладающий величием августейший Чингис-хаган... И всемогущим Буддой Шикэмуни было отдано повеление, чтобы появилось перерождение пламенного Эсруа-тэнгри — обладающий величием августейший Чингис-хаган — для того, чтобы ведать живыми существами» [Данзан, 1973: 67].

Как видно из сообщения летописца, Лубсан Данзан, следуя буддийским канонам, рождение Темучжина просчитал с того момента, когда Будда Шакьямуни «достиг наивысшего просветления», т.е. погрузился в нирвану. Таким образом Лубсан Данзан обосновал не только древнее, но и священное, с точки зрения буддистов, происхождение великого хана. Но в этом он превзошел даже своих предшественников, возведя Чингис-хана в ранг истинных буддийских царей-Чакравартинов, его пришествие было предсказано якобы самим Буддой. Такая концепция, как писал монголовед Ш. Бира, должна была в то время оказать воздействие на умы верующих, способствуя закреплению культа Чингис-хана в монгольской историографии [Бира, 1978: 235–236]. Тем не менее, следуя написанному о Чингис-хане Лубсаном Данзаном, весьма проблематичным представляется, на наш взгляд, установление точной и даже хотя бы приблизительной даты его рождения.

Лубсан Данзан, сообщая о гибели отца Темучжина, утверждал, что Есугей-баатур погиб в тот момент, когда он возвращался домой, сосватав невесту Темучжину по древнему монгольскому обычаю из того же олхонутского племени, из которого вела происхождение и мать будущего великого хана. В летописи по этому поводу значится: «Во время обратного пути Йисугей-баатур захотел пить и сошел с коня... где сидели татары и пировали. Там были его старые враги... Они вспомнили о прежних нападениях и из вражды к нему подмешали яд и дали ему напиток» [Данзан, 1973: 69–70]. Перед смертью Есугей-баатур позвал своего приближенного Мунлика и попросил его привезти Темучжина в юрту отца. Рассматривая последовавшие события, Лубсан Данзан утверждал: «Когда Мэнглик, взяв с собой Томучина, приехал, Йисугей-баатур уже стал тэнгри» [Данзан, 1973: 70].

После смерти Есугея наступило время великих перемен, ибо все его люди начали покидать его семью, уходя каждый своим путем. В «Алтан тобчи» по этому поводу сообщается: «Родня-тайчжигуты откочевали, оставив в кочевье мать малых сирот» [Данзан, 1973: 72]. Е. И. Кычанов полагал, что сложившаяся ситуация оказалась далеко не в пользу вдовы Оэлун с детьми, поскольку «входившие в есугаев улус тайчиуты и раньше завидовали власти Есугая... прочие родичи и нукеры, служившие Есугаю, отказались повиноваться его вдове и приняли сторону тайчиутов, а это сразу же превратило тайчиутских вождей в таких же самостоятельных правителей улуса» [Кычанов, 1995: 52]. В «Алтан тобчи» далее содержится сообщение о пленении Темучжина тайчиутами и последовавший его побег [Данзан, 1973: 76–77]. Е. И. Кычанов, более пристально анализируя данный сюжет, отмечал, что сведения источников на проблематику разнятся. Так, в частности, персидский историк Рашид-ад-Дин сообщал о пленении Темучжина меркитами, в то время как «Сокровенное сказание» указывало на то, что это были тайчиуты [Кычанов, 1995: 60–61].

После возвращения из плена Темучжина Лубсан Данзан ведет повествование о нем уже как о воине, у которого появились первые нукеры (дружинники), и как главе айла (монгольской кочевой семейной группы). Немаловажное значение придавал Лубсан Данзан борьбе Чингис-хана с меркитами. В летописи весьма кратко упоминается о пленении меркитами жены Темучжина Борте и недолгое преследование ими его самого, обращение Темучжина за помощью к керейтскому Тоорил-кагану, которую в итоге он и получил [Данзан, 1973: 86–89]. Стоит обратить внимание на начало главы, в которой Лубсан Данзан повествовал о борьбе Темучжина с меркитами. Так, летописец сообщал, что Темучжин, обращаясь к Тоорил-кагану за поддержкой, получил такой ответ: «Разве не говорил я тебе прежде... когда ты принес соболью шубу и сказал: «Во времена отца вы с ним назвались побратимами, так и будь моим отцом», разве не говорил я: «За твою шубу из черных соболей я отплачу, твой отделившийся народ соберу и тебе отдам» [Данзан, 1973: 86]. Очевидно, в этом сообщении летописца явно просматривается наличие связей кровного родства. Е. И. Кычанов по этому поводу заметил, что «к этому времени Темучжин уже вписался в систему взаимоотношений между правителями части монгольской степи, оформленных в терминах кровного родства, как это было принято в ту эпоху в Центральной Азии и в Китае» [Кычанов, 1995: 77].

Лубсан Данзан также останавливался на эпизоде изменения в отношениях Темучжина и Чжамухи — его родственника и друга детства. В летописи рассказывается об их совместных походах на меркитов, последовавшее братание, подарок Темучжина Чжамухе золотого пояса, а после полного разгрома меркитов еще и обмен лошадьми [Данзан, 1973: 96–97]. Е. И. Кычанов, комментируя данное сообщение Лубсана Данзана, писал, что «после разгрома меркитов Темучжин получил немалую добычу. Но по неясным для нас причинам... он со всеми своими людьми не ушел от Чжамухи... Полтора года их совместной жизни... сыграли важную роль в карьере Темучжина, на пути превращения его из Темучжина в Чингис-хана. Именно в это время он успел привлечь на свою сторону многих соплеменников, поставил их перед выбором между ним и Чжамухой и смог начать борьбу за восстановление своего улуса» [Кычанов, 1995: 80]. Очевидно, описанные события, по мнению Е. И. Кычанова, следует относить к 1184 г. [Кычанов, 1995: 80]. Некоторое время спустя, примерно в 1189 г., Темучжин был провозглашен частью монголов ханом и, вероятно, тогда же впервые получил титул Чингис-хан [Кычанов, 1995: 84].

Стоит отметить, что провозглашение его ханом еще в конце XII в. признавали отнюдь не все летописцы. В советской историографии также утвердилась точка зрения относительно 1206 г., в котором Темучжин получил этот титул. Тем не менее Лубсан Данзан относил это событие к гораздо более раннему времени, а именно после разгрома Темучжином меркитов: «Алтан, Хучир и Сэчэн-бэки сказали Томучину: «Сделаем тебя хаганом!», как только приняли они это решение, то поклялись и принесли жертву верховному вечному Небу, водрузили и воздвигли девятиножное белое знамя» [Данзан, 1973: 100].

Достаточно кратко сообщается в летописи о походе Чингис-хана против татар: «погнали татар... и разгромили их. Уничтожили могущественный народ цаган-татар, элчи-татар, дутагир-татар, арухай-татар» [Данзан, 1973: 132–133]. Разгромив татар, Чингис-хан, согласно летописи, заявил: «С давних пор татарский народ губил наших отцов и дедов. За отцов и дедов мстью отмстим, ... с чекой их сравним, и кто выше чеки, тех уничтожим. Кто останется — станет рабами...» [Данзан, 1973: 132–133]. Е. И. Кыча-

нов полагал, что жестокое поведение Чингис-хана обусловлено, во-первых, тем, что он не забыл гибели своего отца от их рук, во-вторых, в том числе и тем, что среди монголов была жива память о жестоких войнах с татарами в прошлом [Кычанов, 1995: 110].

Автор «Алтан тобчи» упоминает также и о разгроме Чингис-ханом кереитов, которые являлись самым могущественным из всех монгольских племен. Осложнившаяся ситуация из-за очередной вражды Чингис-хана с Чжамухой явилась причиной достаточно длительного военного столкновения Чингис-хана с кереитами, на стороне которых выступал Чжамуха. Тем не менее в летописи достаточно пространно об этом сообщается. Лубсан Данзан склонен скорее обвинять в начале очередного этапа вражды кереитского Он-хана, который, по словам летописца, интересовался количеством воинов Чингис-хана. Очевидно, симпатизируя Чжамухе, летописец отмечал, что он направил тайно от Он-хана посла, который передал Чингис-хану все, что было ему известно о кереитах. Более того, посланец должен был довести до его сведения, что Чжамуха отказывается выступить против побратима Чингис-хана [Данзан, 1973: 143–144].

Недостаточно полно Лубсан Данзан осветил военные походы Чингис-хана, сделав акцент только на вторжениях в государство тангутов Си-Ся, государство Цзинь и частично Туркестан. Государство тангутов было первым большим государством, которое подверглось нашествию монголов. Почти по всей северной границе, протянувшейся от Ордоса до Хамийского оазиса, вдоль южной окраины пустыни Гоби, тангуты граничили с монгольскими племенами. Первое вторжение монголов в пределы тангутов датируется 1205 г., второе состоялось гораздо позже — в 1209 г., затем последовало третье — в 1220 г. [Кычанов, 1977: 46, 51, 52]. Следует отметить, что автор «Алтан тобчи» по поводу завоевательных походов Чингис-хана сообщал весьма противоречивую информацию, поскольку в одной и той же главе описывал походы великого хана одновременно и на государство Си-Ся, и на государство Цзинь. В главе, посвященной военной деятельности Чингис-хана в этом направлении, Лубсан Данзан перечислял города, которые были осаждены монголами, весьма часто перемежая рассказ легендами о завоевании ими государства тангутов и государства Цзинь [Данзан, 1973: 218–227].

О покорении Туркестана в «Алтан тобчи» Лубсан Данзан писал о событиях, касающихся в большей мере административного управления монголами завоеванных территорий. В частности, в летописи можно прочесть следующее: «Окончив покорение сартагульского народа, Чингис-хаган также дал повеление, чтобы во всех городах были поставлены даругачи. Из города Ургенча прибыли отец и сын Иаламча и Масахут — оба из сартагульского рода хормэгэй. Они рассказали Чингис-хану о правилах управления городом. Беседуя с ними, Чингис-хаган понял, что правила эти схожи с правилами Ясы, и поэтому поставили сына его Масахута-хорезмийца вместе с нашими управлять городами...» [Данзан, 1973: 228–229]. Как следует из сообщения Лубсана Данзана, Чингис-хан предпочитал назначать в качестве даругачи (представителей хана) местных правителей.

В целом, «Алтан тобчи» Лубсана Данзана содержит по большей части отрывочные сведения, касающиеся детства, юности и, наконец, политической деятельности Чингис-хана. Тем не менее данная летопись, созданная тибетским автором, зачастую описывает весьма ценные факты, отсутствующие в монгольских и китайских летописях, посвященных биографии Чингис-хана.

Что касается еще одного источника «Ганга-йин урусхал» (История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием «Течение Ганга»), следует отметить, что

вплоть до нашего времени полный текст остается недоступным. Лишь по некоторым переведенным частям текста и комментариям монголоведа Л. С. Пучковского можно проанализировать отдельные моменты биографии Чингис-хана. Автор летописи, по одним данным, происходил из «золотого рода священного Чингис-хана», по другим — имел титул гун — «князь». Гомбоджаб был известен при императорском дворе своим знанием языков, в особенности тибетского. Именно по этой причине император Юн-чжэн (1723–1735) направил его руководить тибетской школой в Пекине [Гомбоджаб, 1960: 6].

«Ганга-йин урусхал» представляет собой прежде всего историко-генеалогическое сочинение. По словам Гомбоджаба, сочинение это было написано для того, чтобы удовлетворить интерес многих желающих знать родословную «основной линии» рода Чингис-хана. Специфика этого сочинения заключается в том, что Гомбоджаб сосредоточил внимание на перечислении имен в «золотом роде Чингиса». Приводятся, например, имена семи сыновей Угедея, шести сыновей Тулуя, десяти сыновей Хубилая и др. [Гомбоджаб, 1960: 11].

Л. С. Пучковский, анализируя исторические условия, в которых появилась летопись, писал, что «в монгольской историографии XVII–XIX вв. отразились политические взгляды и мировоззрения феодальной аристократии. Они получили выражение в идее непрерывной преемственности происхождения монгольских ханов. Следуя этой идее, автор «Ганга-йин урусхал», указывал, что предки Чингис-хана происходили от индийских и тибетских царей, после чего изложил подробную родословную преемников Чингис-хана, и далее — юаньских императоров» [Гомбоджаб, 1960: 12]. Таким образом Гомбоджаб установил преемственность — непрерывную, как течение Ганга. Следует отметить, что в этой идее древность происхождения монгольских ханов тесно связывалась с их высоким происхождением [Гомбоджаб, 1960: 12].

Подчеркивая специфику «Ганга-йин урусхал», Л. С. Пучковский указывал, что достаточно подробные сведения об основной линии рода Чингис-хана относятся главным образом к его потомкам, правившим в землях, входивших в улус Тулуя [Гомбоджаб, 1960: 15]. На сочинение Гомбоджаба в большей степени, чем на другие летописи, особенно сильно сказалось китайское и буддийское влияние. Например, оно прослеживается в сообщениях о том, что Чингис-хан почитал Чань-Чуня как наставника в делах управления государством, а Угедэй и Хубилай устанавливали законы по китайским образцам [Гомбоджаб, 1960: 20]. Гомбоджаб также представил Чингис-хана «как владеющего золотой землей» (т. е. миром) и как «обладающего счастьем-величием» на основании буддийских воззрений «о неизменных благопожеланиях прекрасных добродетелей» [Гомбоджаб, 1960: 21].

В итоге, «Ганга-йин урусхал», как и «Алтан тобчи», в описании детства, юности и политической деятельности Чингис-хана содержат легендарные сведения наряду с историческими фактами. Тем не менее значимость «Ганга-йин урусхал» заключается в том, что автор данной летописи Гомбоджаб при ее создании использовал ряд тибетских и монгольских источников, в том числе в не сохранившихся полном виде до наших дней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базарова Б. З. Монгольские летописи — памятники культуры. М. : Academia, 2006. 364 с.

Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М. : Наука, 1978. 320 с.

Гомбоджаб. Ганга-йин урусхал (История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием «Течение Ганга») / изд. текста, введение и указатель Л. С. Пучковского. М. : Восточная литература, 1960. 66 с.

Данзан Лубсан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введение, коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М. : Наука, 1973. 439 с.

Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века. // Труды Института Востоковедения. XVI. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1986. 122 с.

Кучера С. Завоевание монголами Тибета // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. : Наука, 1977. С. 260–281.

Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан. Личность и эпоха. 2-е изд., пер. и доп. М. : Восточная литература, 1995. 272 с.

Кычанов Е. И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. : Наука, 1977. С. 46–61.

Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. VI. М. ; Л., 1953. С. 130–166.

Рерих Ю. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV // Ю. Рерих Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Самара : Агни, 1999. С. 140–152.

Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Василенко В. А. Проблемы истории, источниковедения и историографии Монголии. К 90-летию академика Шагдарын Бира // Baikal Research Journal: электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2017. Т. 8. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?d=21457/> (дата обращения: 05.01. 2018).

Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М. : Российский гос. гуманитар. ун-т, 2007. 272 с.

REFERENCES

Bazarova V. Z. *Mongol'skie letopisi — pamiatniki kul'tury* [Mongolian annals — cultural monuments]. М. : Academia, 2006. 364 s. (in Russian).

Bira Sh. *Mongol'skaia istoriografiia (XIII–XVII vv.)*. [Mongolian historiography (XIII–XVII centuries.)]. М. : Nauka, 1978. 320s. (in Russian).

Gombodzhab. Ganga-iin uruskhal (*Istoriia zolotogo roda vladyki Chingisa. Sochinenie pod nazvaniem "Techenie Ganga"*) [The history of the golden kind of lord Chingis. An essay titled "The Current of the Ganges"]. Izd. teksta, vvedenie i ukazatel' L. S. Puchkovskogo. М. : Vostochnaia literatura, 1960. 66 p. (in Russian).

Danzan Lubsan Altan tobchi "*Zolotoe skazanie*" [The Golden Legend]. Per. s mong., vvedenie, komment. i pril. N. P. Shastinoi. М. : Nauka, 1973. 439s. (in Russian).

Zhamtsarano Ts. Zh. *Mongol'skie letopisi XVII veka*. [Mongolian chronicles of the XVII century]. *Trudy Instituta Vostokovedeniia*. [Proceedings of the Institute of Oriental Studies] XVI. М. : L. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1986. 122s. (in Russian).

Kuchera S. *Zavoevanie mongolami Tibeta* [Conquest by the mongols of Tibet]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. М. : Nauka, 1977. S. 260–281 (in Russian).

Kychanov E. I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir. Chingis-khan. Lichnost' I epokha*. [Life of Temujin, who thought to conquer the world. Genghis Khan. Personality and Age] 2-e izd., per. i dop. М. : Vostochnaia literatura, 1995. 272s. (in Russian).

Kychanov E. I. Mongolo-tangutskie voyny i gibel' gosudarstva Si Sia [Mongol-Tangut War and the death of Xi Xia State] *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. M. : Nauka, 1977. S. 46–61 (in Russian).

Puchkovskii L. S. Mongol'skaia feodal'naia istoriografiia XIII–XVII vv. [Mongolian feudal historiography of the XIII–XVII centuries]. *Uchenyye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Scientific notes of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. T. VI. M. ; L., 1953. S. 130–166 (in Russian).

Rerikh Iu. Mongolo-tibetskie otnosheniia v XIII i XIV [Mongolian-Tibetan relations in XIII and XIV]. *Iu. Rerikh Tibet i Tsentral'naia Aziia* [Yu. Roerich Tibet and Central Asia]. Stat'i, leksii, perevody. Samara: Agni, 1999. S. 140–152 (in Russian).

Sukhodolov A. P., Kuz'min Iu. V., Vasilenko V. A. Problemy istorii, istochnikovedeniia i istoriografii Mongolii. K 90-letiiu akademika Shagdaryn Bira [Problems of history, source study and historiography of Mongolia. To the 90th anniversary of academician Shaghryrin Bira]. *Baikal Research Journal*. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 8. № 2. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?d=21457/> (accessed January 1, 2018) (in Russian).

Tsendina A. D. *Mongol'skie letopisi XVII–XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii* [Mongolian chronicles of the XVII–XIX centuries: narrative traditions.]. M. : Rossiiskii gos. gumanit. un-t, 2007. 272s. (in Russian).